

Фауст и жизнь

ПЬЕСА Александра Левады «Фауст и смерть» говорит о том, что еще не произошло, но обязательно должно произойти, о том, чего мы нетерпеливо ждем, что как «диво дивное» войдет в жизнь нашей планеты и вместе с тем будет естественным и закономерным продолжением тех чудес, которые уже сегодня сотворены народом. Полет первого советского человека в космос! Когда это будет? Скоро! — говорит нам наше сердце. Скоро! — говорит поэт, начиная пьесу.

И мы благодарны ему и за то, что он первым в нашей драматической литературе отважился заглянуть в это близкое завтра, и за то, что он, вырвавшись за пределы «земного притяжения» привычных научно-фантастических, да и театральных канонов и традиций, попытался глубоко задуматься над огромным философским значением грядущего события и написал умную и патетическую драму в стихах, прони-

занную битвой идей и человеческих характеров.

«Наши молодые драматурги находятся в счастливом положении, — говорил Горький, — они имеют перед собой героя, какого еще никогда не было, он прост и ясен так же, как велик, а велик он потому, что непримирим и мятежен гораздо больше, чем все дон-Кихоты и Фаусты прошлого».

Эти знаменательные слова невольно вспоминаются, когда ты следишь за развитием героической драмы Левады, пьесы, в которой наш современник, астрофизик Ярослав, летя в космосе, в минуту величайшего свершения своей жизни, в минуту, когда, подобно Фаусту, он мог бы воскликнуть «остановись, мгновение, ты прекрасно», вступает в спор со знаменитым гетевским искателем истины, утверждая свое понимание законов познания и борьбы.

Этот спор с Фаустом, как мне кажется, является «душой» философского строя драмы. Нельзя остановить мгновение, нельзя остановить великую «цепную реакцию» освобожденной творческой энергии народа, нельзя погасить прометеев огонь ее бескорыстного служения людям. Ярослав гибнет, но в небо взлетают новые космические корабли, взлетают во имя того, чтобы, победив небо, сделать еще прекраснее и счастливее жизнь на Земле!

По-новому философски осмыслен в пьесе и «дух зла» — Мефистофель.

Мефистофельское начало живет в трех образах пьесы, составляющих ее органическое единство. Это прежде всего некий механический человек, «сверхробот», «механтроп», созданный помощником Ярослава, себязлюбом Вадимом. Бездушная вычислительная машина, возомнившая себя всемогущей, она может быть слугой человека, но никогда не станет творцом и хозяином жизни. Создатель «механтропа», инженер Вадим, снедаемый завистью Сальери, тайно мечтающий погубить Ярослава, бездушен, как и его творение. Они живут как двойники и вместе бесславно гибнут: великое в науке может создаваться лишь чистыми руками. Третьей фигурой, составляющей «мефистофельское» трио пьесы, является некий монах, брат Вадима, олицетворяющий собой реакционную, мракобесскую философию старого мира, против которой воюют в своей пьесе поэт и его герой.

«Фауст и смерть» — пьеса своеобразная, свежая, отмеченная многими драматургическими изобретениями: в ней происходят поединки человека с «механтропом», беседы героя с Фаустом и Циолковским, «домашние», «земные» сцены соседствуют в ней с хорами, звучащими в космосе.

Там, где поэт раскрывает фи-

лософскую концепцию драмы через логику человеческих поступков, характеров и страстей, сам он находит прямой путь к нашему сердцу. Когда же он порой заставляет своих героев слишком просто и быстро принимать решения, требующие от них неизмеримо более глубокой внутренней борьбы, проносится холодноватое и не свойственное взволнованному духу пьесы дыхание риторики.

В спектакле Львовского театра им. М. Заньковецкой, который первым под руководством режиссера Б. Тягно запустил в наше «театральное небо» драматургическую «ракету» А. Левады, также присутствуют два принципиально различных стиля исполнения: правдивая, глубокая жизнь актера в образе (она обязательна в любых жанрах драматургии) и риторическая, подчас несколько сентиментальная декламационность (нежелательная при любом решении спектакля). Мне думается, что прекрасным «камертоном правды» в спектакле может служить отличное, по-человечески необычайно трогательное и строгое исполнение талантливой актрисой В. Любарт роли матери Ярослава. Она проста и правдива и в своих романтических монологах, и в своем напряженном молчании, и в своих лирических материнских сценах. Глубокие философские раздумья Ярослава — В. Данченко, мучительные размышления о неверно прожитой жизни Вадима — Я. Геляса, образное и смелое решение роли «механтропа» артистом Б. Ступка (сцены «механтропа» с блеском поставлены режиссером Б. Тягно) — именно здесь, в этих удачах спектакля заложены плодотворные пути воплощения этой пьесы.

Художник М. Киприян нашел интересное единое решение спектакля — от звездной спирали до скромной березки, как бы символизирующей нашу вечную любовь и преданность родной земле. Его интерьеры, так же как и его празднично-иллюминированный космос, представляются мне менее близкими духу строгой интеллектуальной драмы Левады.

В музыке композитора А. Радченко много «космической героики», но и не хватает каких-то «земных», трогательных сердце мелодий.

Впрочем, каждый режиссер будет ставить эту пьесу по-своему, и в этом тоже заключена ее сила. Поблагодарим же Театр им. Заньковецкой за его смелый и во многом удавшийся почин и пожелаем большой счастливой жизни пьесе Левады, которая уже вышла «на орбиту» нашей театральной жизни.

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ.